

Левон Абрамян

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-ДЕРЕВЕНСКИ: АРМЯНСКИЙ ВАРИАНТ*

Исследователи социальных и культурных изменений в постсоветской Армении, как правило, больше внимания уделяли проблемам национализма, нежели глобализации и локальным формам ее проявления, или глокализации, если пользоваться термином английского социолога Роланда Робертсона¹. Такая ситуация была обусловлена тем, что здесь был очевиден резкий подъем национального движения. Армения, как и многие постсоветские республики, пережила этап строительства национального государства, причем первые годы независимости совпали с войной в Нагорном Карабахе и на границе с Азербайджаном, в которую вылился армяно-азербайджанский конфликт на почве проблемы Нагорного Карабаха. На фоне государственного переустройства армянского общества, экономического и энергетического кризисов с последовавшей ошутимой волной эмиграции глобализация не воспринималась как актуальная тема, уступая место проблемам типа стратегии выживания, бедности или миграции. Вместе с тем именно существенные изменения в стране: независимость, миграция, бедность (с учетом вмешательства по этому поводу международных организаций) и даже война – содержат большой потенциал для глобализационных преобразований.

Цель настоящей статьи – попытаться очертить круг вопросов, связанных с глобализационными процессами в современной армянской деревне, преимущественно на примере двух сел – села Гош (марз² Тавуш) и села Татев (марз Сюник)³. Выбор этих двух поселений обусловлен несколькими причинами. Оба села имеют близкие характеристики как по масштабам населения (около 1200 человек), так и по высокому уровню бедности, что делает допустимым их со-

* Статья написана в рамках исследования «Глобализационные процессы в современной армянской деревне» при финансовой поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант № 06-86346-000-GSS).

¹ Encyclopedia of globalization / Ed. by R. Robertson and J.A. Scholte. N.Y., 2007.

² 37 районов Армянской ССР после обретения независимости были реформированы в 11 мартов, получивших название своих средневековых предшественников, хотя они не обязательно унаследовали их исторические границы – подробнее см. *L. Abrahamian. Armenian Identity in a Changing World. Costa Mesa, CA, 2006, p. 186-187.*

³ Интервью в селах проводилось совместно с Гаяне Шагоян.

поставление. Гош находится на северо-востоке Армении, сравнительно близко от Еревана (127 км), и заселен в основном переселенцами из восточных областей того же марза в 1840-е гг.; в результате Карабахского конфликта часть села была заселена беженцами из Азербайджана. Татев находится на юго-западе Армении, достаточно далеко от столицы (250 км), и имеет преимущественно автономное население⁴.

Несмотря на почти одинаковый уровень бедности в обоих селах, в Гоше, в отличие от Татева, наблюдается интенсивная эмиграция (как временная, так и постоянная) в Россию, в основном в поселения Краснодарского и Ставропольского краев. Такая миграционная карта дает возможность проследить влияние транснациональных социальных сетей. Что касается Татева, это село всегда отличалось низкими миграционными показателями (ниже среднего уровня миграции по всей Армении), хотя в последние годы здесь тоже наблюдается трудовая миграция, в основном в Москву.

Поскольку глобализация является одной из форм инновации, мы попытались выяснить, каким именно инновационным влияниям подвергалась жизнь указанных сел на памяти наших информантов, какие из этих влияний можно трактовать как глобализационные и почему. В сегодняшнем массовом увлечении постмодернистскими теориями и подходами, в которые так или иначе оказывается вовлеченным и глобализационный дискурс, мало внимания уделяется (или вовсе не уделяется) «отжившим свой век» подходам, считающимся ныне анахронизмом. В данном случае я имею в виду старый диффузионистский подход, который неожиданно может оказаться весьма работающим (разумеется, в новом прочтении) для описания современных глобализационных процессов, могущих быть названными невиданным триумфом диффузионистского подхода. Ныне успешно (думается, поспешно) забытые догадки Ф. Ратцеля конца XIX в. получают неожиданное подтверждение/развитие при изучении современных глобализационных процессов – например, в том, какие новшества воспринимаются/не воспринимаются по телевидению и какие требуют непосредственного

⁴ Культурно-исторический очерк селения Татев, Татевского монастыря и окружающих достопримечательностей представлен на сайте www.tatev.org, поддерживаемом общественной организацией «Фонд Татев», а также на выпущенном ею в 2005 г. компактном диске, где помещен этнографический обзор селения Татев, составленный А. Гуляном.

носителя («культуртрегера»)⁵. Еще бóльшим анахронизмом считается (и на самом деле является) эволюционистский подход к современным реалиям. Однако если принять эволюционистский подход (в своем марксистском формате) как некий конструкт, которым руководствовались в течение более 70 лет на всем советском пространстве, то понятнее становится различие между инновацией в советское время в рамках эволюционистского подхода и инновацией в рамках современного глобалистского подхода. Два типа инновации можно назвать соответственно системной и случайной. Различие двух типов мы проанализировали на примере инноваций, пришедших в исследуемые села начиная с 1950-х гг., комбинацию системного и случайного – на примере института выборов в постсоветское время.

Алтайская ссылка как источник инноваций

Первый пример – результат и побочный эффект массовых репрессий армян в 1949 г. Массовое наказание в виде ссылки в восточные окраины СССР было задумано и осуществлено в отношении не ко всему народу, как это было в случаях с другими наказанными народами⁶, а лишь его части (только из Армении – 13 272 чел.)⁷ – за их причастность (большой частью приписываемую) к партии Дашнакцутюн⁸ или «иностранные корни» – репатриантов из зарубежных стран и/или бежавших из Турции во время геноцида 1915 г.⁹ Армяне из Армении были сосланы в Алтайский край. Из Татева были сосланы 17 семей, из Гоша 4 семьи. Большее число сосланных семей из Татева обусловлено тем, что область Зангезур, где находится Татев, являлась важным антибольшевистским центром, здесь была даже на некоторое время (дек. 1920–июль 1921) провоз-

⁵ См. об этом подробнее: *Г. Шагоян*. Турист на селе: вестник глобализации и гарант локализации (в печати).

⁶ *А.М. Некрич*. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

⁷ *А. Манукян*. Политические репрессии в Армении в 1920-1953 гг. Ереван, 1999, с. 231 (на арм. яз.).

⁸ Дашнакцутюн (Армянский Революционный Союз) – одна из первых национальных партий. Создана в 1890 г., правящая партия первой Республики Армения (1918-1920), после установления советской власти в Армении вела активную антисоветскую деятельность в эмиграции. С начала 1990-х возобновила политическую деятельность в Армении.

⁹ По последнему обвинению были сосланы, в частности, армяне, нашедшие в годы геноцида приют в Грузии. См. яркое описание повседневной жизни в сибирской ссылке в дневниковых записях сосланной девушки-студентки – *Артик Александян*. Сибирский дневник: 1949-1954 гг./ Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. Ер., 2007 (Антропология памяти. 1).

глашена независимая республика¹⁰. После смерти Сталина сосланные были реабилитированы и им было предложено либо остаться в Алтайском крае, либо вернуться в родные села. Рассказы сосланных об их жизни показывают тяготы сибирской ссылки¹¹, но и то, как повседневным трудом ссыльные постепенно завоевывают уважение «принимающей стороны» и в конечном счете даже обогащаются. «Так, постепенно из нищих мы превратились в миллиардеров. А как нас еще называть, если мы с собой привезли 200 мешков зерна и мешок денег», – рассказывают супруги Грайр и Зарик Григоряны из с. Гош. Зерно (его количество остается на совести/ памяти информантов) они передали председателю сельсовета, и за счет этого фактически несколько лет кормили голодавший народ. Отец Эммы Арзуманян, работавший в ссылке бухгалтером колхоза, тоже привез с собой в Гош зерно, 17 мешков семенной пшеницы.

Восточную ссылку в некотором роде можно сопоставить с западным убежищем, которое нашли бежавшие из Турции во время геноцида армяне в странах, где они постепенно основали богатые диаспоры. Так, в Алтайском крае о людях, недавно находившихся в состоянии крайней нужды, придумали притчу: «Армяшки, армяшки, в пирожках пришли, в сапогах, туфлях уходите». «Пирожками» называли *трехи* (вид лаптей), в которых приехали армянские крестьяне, научившиеся носить фабричную обувь в ссылке. «Научившиеся» – слово информанта, используемое и в других случаях, подчеркивающих феномен обучения, которое шло в обоих направлениях. Ссыльные, например, обучили местных производить сыр из овечьего молока, делать соленья из арбузов. Правда, мы не знаем, сохранились ли эти навыки в Рубцовске, где имело место описанное обучение местных, или они были кратковременными (разовыми) экзотическими культурными вливаниями, подобно тому как русский председатель колхоза завещал, чтобы его хоронили под армянскую музыку, которая ему понравилась, или тому как научившаяся в Сибири частушкам Зарик Григорян осталась единственной носительницей культуры частушек в Гоше, хотя они и нравились ее односельчанам, настолько, что ее не раз просили петь частушки на свадьбах. Тем не менее в случае с частушками передачи знания так и не прои-

¹⁰ Автономная Сюникская республика, переименованная в апреле 1921 г. в Республику Лерна-айастан (Нагорная Армения).

¹¹ В данном исследовании не используется материал по депортации и депортационной травме наших информантов, который достоин специального исследования. Отметим только, что переезд и начальная адаптация были достаточно тяжелыми.

зошло, и не потому, что гошцам это было не под силу, как думает наш информант («Да разве эти способны чему-нибудь научиться?!»), а потому, что этот жанр хотя бы по языку был вне местной системы (хотя сходные с частушками куплеты *haghuk* известны и в армянском фольклоре). Зато «глобалистические» танго и вальс, которые тоже привезли с собой вернувшиеся из ссылки, пустили корни в местной культуре.

Женщина, научившаяся в ссылке петь частушки, привезла с собой женский велосипед – в Алтайском крае она использовала его не только как необходимое для тамошних расстояний средство передвижения, но и по работе – возила обед работавшим в поле. Но в родном селе она не смогла его использовать, над ней стали смеяться, поскольку считали, что женщине не пристало ездить на велосипеде, тем более невестке такого уважаемого человека, как ее свекор. Характерно, что судя по рассказу Зарине Аршакян, нашего информанта из Татева, велосипед считался чисто мальчишеским (мужским) атрибутом и лет двадцать спустя даже в Горисе (административный центр района, куда входило и с. Татев), где она провела свою юность, – Зарине 1964 года рождения. Сама она каталась на велосипеде, но отец купил ей велосипед только потому, что воспринимал ее как мальчика («я была третьей дочкой, поэтому папа меня воспринимал почти как сына»). Интересно, что представитель еще более молодого поколения – девушка-старшеклассница из Гоша объяснила отсутствие велосипеда в играх девочек тем, что велосипеды есть только у мальчиков и что «сейчас не модно, чтобы девочки ездили на велосипеде». Можно сказать, что женский велосипед Зарик оказался в Гоше инновацией, которая не вписалась в местную систему ценностей.

В то же время показателен случай с ее мужем. Они вернулись в 1956 г., а в следующем году получилось так, что ему надо было сдавать экзамен, чтобы их колхоз получил трактор. В ссылке он с 1949 г. работал трактористом, так что знал трактор, новинку в родном селе, достаточно хорошо. В результате колхоз получил трактор, а он – работу тракториста. Можно сказать, что трактор мужа, вернее его «know how», в отличие от велосипеда жены, оказался частью системы, общей и для Рубцовска и для Гоша. Трактор был технической новинкой, ожидаемой и долгожданной в Гоше. Он порождение общей системы и в этом смысле закономерен, хотя и запоздал в армянском селе – но локальные запаздывания/отставания как раз являются закономерностью для эволюционистской

системы, каковой была строившаяся на всем советском пространстве социалистическая система. Хотя трактор по большому счету и является элементом глобализации, но здесь он появляется «изнутри» системы – в данном контексте неважно, каким образом развивалась высокая технология в СССР, какую роль здесь играли местные самородки, стахановские призывы и приписки, а какую – технический шпионаж, предвестник, можно сказать, тайный агент глобализации.

Не все сосланные оказались вовлеченными в такой степени в процесс советской модернизации. Не всем удалось нажать за годы ссылки или привезти что-либо, что могло бы стать катализатором модернизации/глобализации. Правда, многие считают, что в ссылке жилось лучше, несмотря на непривычно суровую зиму и тяжелейшие условия, особенно в первые годы. Не будем забывать, что к моменту возвращения бывших ссыльных электричества в их родных селениях еще не было, в Гоше провели электричество лишь лет через семь, в 1960-1961 г., а в Татеве – в 1962 г., так что поколение, родившееся в освещенной электричеством ссылке, переместилось как бы в настоящую темную и голодную ссылку. Здесь следует отметить проблему избирательной памяти при интервьюировании, особенности женского и мужского рассказа (например, то, что в рассказе одного нашего информанта-мужчины выглядит чуть ли не раем для любящего погулять молодого мужчины, для его ревнивой жены скорее напоминает ад), склонность к переоценке собственного опыта у некоторых информантов, тягу других к эпическому сказу, в котором в известной степени нивелированы этические противопоставления, и т.п. Тем не менее рассказы наших информантов можно считать достаточно репрезентативными, во всяком случае для общей обрисовки тенденций, которые мы изучаем.

В целом по рассказам можно судить, что на местах расселения ссыльным были созданы условия для выживания на уровне натурального хозяйства, но не более того, особенно в первые годы ссылки. Показательно, что мать Ноэм Аршакян из Татева взяла с собой примитивный ткацкий станок, на котором ткала холст на одежду для своей семьи. Станок она привезла обратно, но он больше не пригодился, так как вскоре в Татеве в магазине появились фабричные ткани. По-видимому, тогда же они появились и в Гоше. Так что возвратившиеся ссыльные недаром привезли с собой швейные машинки – свекор Зарик привез с собой целых четыре швейные машинки, по одной на каждого сына. В деревне они были в диковину, но вряд ли послужили глобалистическим или модернизаторским/

системным триггером. Швейная машинка стала домашней технической новинкой, возможно, первой в списке подобных устройств и новинок, которые непременно сегодня привозят домой уехавшие из села люди. Эти новшества не совершают глобалистических или системных сдвигов; так, создание в Гоше швейной артели в 1980-х гг. (филиал Дилижанской швейной фабрики, переставший работать, как и вся промышленность Армении, в первые годы независимости), никак не коррелировало со швейной «know how» вернувшихся из ссылки женщин. Просто туда принимали женщин, мужчины же поступали на работу на завод «Импульс» в Дилижане (просуществовал до 1994, с 1968 по 1979 филиал завода работал также в Гоше) или в различные строительные организации Гоша и Дилижана.

Любопытно, что вначале для ссыльных построили дома, где содержалась (в соседнем помещении) также скотина. В этом смысле ссыльные оказываются по большому счету в том же жилищно-хозяйственном комплексе, что и армяне некоторых регионов того времени (большой утопленный в земле дом – ср. саманную основу армянских домов в ссылке, – с отделением для скотины). Подчеркнем, что мы проводим не узорегиональное сравнение, а типологическое, вполне позволительное для более или менее компактной группы типа сельских армян. В узорегиональном смысле дома татевцев представляют несколько иной тип жилища; заметим здесь же, что некоторые кулинарные «странности» – типа «сибирской» лапши с немецким названием «штрудель», описываемой нашим информантом, вряд ли показались бы странными армянам других регионов. Так что с известной долей условности можно сказать, что ссылка для части армян может быть представлена как переезд в другую хозяйственно-культурную область (правда, с совсем иным климатом). Подчеркнем, что мы не делаем здесь попытки пересмотра в сторону смягчения депортационной травмы (в рассказах бывших ссыльных достаточно тяжелых историй); чтобы лучше понять общие и частные глобализационные процессы в современном селе, следует «глобалистически» осознать их возможные источники. Не следует забывать, что армяне имеют богатый опыт насильственных массовых перемещений: отметим только угон Шахом Аббасом армянского населения из южных районов Армении в Иран, в область Исфахана, в начале XVII в., переселение армян Западной Армении в Восточную в 1830-х гг., бегство армян из Турции в годы геноцида, наконец, вынужденное переселение из Азербайджана в конце XX в. Все эти пе-

реселения сопровождалась тяжелой адаптацией к новым условиям, ландшафту и климату – хотя бы на первых порах.

Грайр Григорян, попавший в инновационную/модернизационную струю благодаря своему тракторному «know how», смог сдать экзамен только на русском языке, его экзаменаторы же не знали его достаточно хорошо: «Они попытались перевести [вопрос], не могут, вижу, механик что-то руками показывает, я понял, что о расцепном механизме идет речь, и ответил. И их специалист говорит: у меня нет к нему вопросов, он сильнее, лучше нас знает». Вернувшиеся из ссылки фактически стали первыми владеющими русским языком у себя на родине, во всяком случае, это можно сказать о Гоше¹²: так, Эмма Арзуманян 30 лет проработала учительницей русского языка в местной школе, Зарик Григорян стала гидом в монастыре благодаря своему русскому, а многие татевцы, дети бывших ссыльных, сделали себе карьеру вне села благодаря не в последнюю очередь знанию русского языка. То есть и это оказалось системным «know how» – напомним, что в конструировании советского общества важную роль играл всеобщий русский язык.

Для нашего анализа существенно, что именно дети ссыльных, особенно те, кто родился в ссылке, стали первыми эмигрантами на Запад, каковым для села Гош стала Россия, в частности Ставропольский и Краснодарский края.

«Глобализационное» влияние новых и старых мигрантов

В Гоше в настоящее время числится 1200 человек, 100 из них лишь числятся; примерно 300 жителей села уехали еще до независимости (1991). Пик эмиграции в постсоветские годы, по словам нашего информанта, работающей в сельсовете, приходится здесь приблизительно на 1991-1995 гг.¹³, тогда каждый год из села насовсем уезжали в среднем по три семьи. В Татеве наблюдалась примерно такая же закономерность. Здесь наш наиболее сведущий информант, тоже работающий в сельсовете, насчитал 15-20 «потухших» семей. Под «потухшими» он понимает семьи, которые насовсем покинули село, дверь дома кото-

¹² С Татевом ситуация более неоднозначная, поскольку он вообще был цивилизационно несколько более продвинутым – так, татевская средняя школа отметила в 2002 г. свое 150-летие, татевцы были больше знакомы с элементами русской культуры – например, татевские ссыльные знали самовар еще до ссылки, тогда как на Алтае его тогда не было.

¹³ Первая большая волна постсоветской миграции из Армении была в 1991-1993 гг. Об эмиграционных волнах в постсоветской Армении см.: Эмиграция из Армении / Ред. Г. Харатян. Ер., 2003 (на арм. яз.).

рых закрылась навсегда – показательно, что традиционно семьи/хозяйства исчисляются «очагами», «дымами». Приблизительность оценки означает не плохую информированность, а скорее трудность подсчета: не все выписываются при отъезде, в доме поселяется кто-либо из родственников, иногда кто-то приезжает на время, а судить по неуплаченным за землю налогам и того сложнее, поскольку далеко не все из живущих в селе платят его регулярно. В последнее время поток отъезжающих сильно поубавился, в Армении в целом естественный прирост стал уже покрывать и даже превышать миграционный отток, хотя по степени популярности тема об угрожающих темпах роста эмиграции из Армении со всеми ужасающими прогнозами продолжает лидировать в самых различных текстах – от политических речей, журналистских статей до докладов на международных конференциях. По оценке одного нашего информанта из Гоша, уехавшие в 1990-е гг. не вернулись, но теперь уезжающие, как правило, возвращаются: едут только на заработки. В трудные годы в результате миграции также разрушались семьи.

Это несколько лет назад, когда очень плохо было, столько уехали и оставили семьи! – говорит информант из Татева. – Но сейчас нет. Сейчас молодежь нашей деревни нормально едет работать, а семья здесь. Кто может, рассчитывает на себя, знает, что сможет и там содержать семью, забирает ее с собой. Кто нет – ездит взад-вперед.

Как уже указывалось, внешним миром для ссыльных стала Россия – в лице Алтайского края. Для тех, кто родился в ссылке, было особенно неудобно по возвращении в родное село родителей – напомним, что здесь еще долго не было электричества, не было, соответственно, кино и многих других благ цивилизации, которые они познали в ссылке. Наш информант Эмма Арзуманян, которую отправили в ссылку в возрасте девяти лет, рассказывает, что очень скучала по родным местам. Но ее младший брат, родившийся в ссылке и проживший там четыре года, никак не мог привыкнуть к новым условиям: «Сколько раз его в Нижней деревне ловили, приводили, а он говорил: я в Россию поеду. Сколько раз!» В настоящее время он живет в Ставрополе. Уехавшие в Россию живут, как правило, компактно, иногда в пределах одного села, где они могут в отдельных

случаях составлять даже большинство населения. За невестами, как правило, приезжают в родное село. Часто справляют свадьбу без жениха.

То есть делают здесь помолвку без жениха и невесту забирают к жениху туда. Так было с моей родственницей, – рассказала нам информант из Гоша, – сейчас у нее там уже сын. Эта девушка дружила с этим парнем, но он был в бегах из-за армии, уклонился от воинской службы, поэтому не мог за ней приехать сюда, поэтому без свадьбы ее отправили туда. Теперь они там вместе живут.

В настоящее время родители предпочитают отправлять юношу на военную службу в Армению, а по демобилизации женят его на местной девушке и отправляют обоих обратно в Россию. Мы зафиксировали несколько подобных случаев: так обходится в целом дешевле и нет препятствий, чтобы ехать домой, когда нужно.

Эмигрировавшие едут домой, как правило, по радостным и грустным событиям – на свадьбы и похороны. Соответственно этим семейно-общинным событиям и строится участие уехавших в жизни села. Причем если в свадьбе кто-либо может не участвовать по тем или иным причинам без особых последствий для своей репутации, то на похоронах участие подразумевается, человек сам себе не простит, если не сможет участвовать.

Вообще похороны и в более широком смысле культ мертвых играет довольно заметную роль в сельском обществе, иногда даже перевешивающую отношения между живыми. Еще из рассказов о ссылке можно увидеть особое отношение к мертвым родственникам. Так, по рассказу Зарик Григорян,

когда в поезде умирали, например, в нашем поезде [имеется в виду в вагоне] четверо человек скончались, старые были, больные, стоять не могли, в общем, скончались. Их заворачивали в карпеты [безворсы́й ковер]¹⁴ и передавали людям на той станции, через которую проезжали. И просто узнавали название станции, чтобы потом вернуться и сделать им могилу. Так и передавали местным случайным жителям, те

¹⁴ Согласно Эмме Арзуманян, в их же одежду.

брали покойников и говорили или писали название станции, чтобы мы потом могли вернуться за своими покойниками.

Тот же информант рассказывает, на какие уловки приходилось идти, чтобы вернуть умершего на родину:

Моя мать тоже там скончалась, но мы ее прах перевезли. Через пять лет после того как вернулись сюда мы поехали и перевезли ее прах. Потому что она нам завещала, чтобы, если мы уедем, не оставляли ее прах в чужих странах. Когда вернулись сюда, мой брат начал работать и как только заработал столько, что мог забрать ее, тут же поехал и вернулся с ее прахом. Мы вернулись в 1957 г., а брат за ней поехал в 1961-1962 гг. Там он дал денег, чтобы открыли гроб, он сам этого не делал, ребята тамошние сделали, и сюда привез в чемодане, а здесь ее уже в гробу похоронили.

В настоящее время среди новых эмигрантов тяга быть похороненным в родной земле не играет такой большой роли. Например, человек, привезший из алтайской ссылки 17 мешков семенной пшеницы, умер в Ставропольском крае, где жил с сыновьями и внуками. Ему устроили пышные похороны там же, в которых приняли участие более шестисот человек. Много людей приехало из родного Гоша. Дочь рассказывает, что до кладбища было почти два с половиной километра, но внуки решили нести гроб на своих плечах: «не позволим нашего деда на машине везти». Вскоре там же умирает другой их односельчанин, но его привозят хоронить в Армению, поскольку у него не было российского гражданства. Как видим, место захоронения решает уже не обычай, не стесненность в средствах (судя по затратам на похороны, уважаемого гошца вполне могли похоронить на родине), а отношение к новому месту обитания – в годы ссылки фактор гражданства не играл какой-либо роли: у всех было одно, советское, гражданство. Заметим, что традиционно новое поселение становится таковым после того как там появляется первая могила (кладбище)¹⁵. В этом

¹⁵ См. *H. Marutyan. Home as the World // Armenian Folk Arts, Culture, and Identity / Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001, p. 73.* Можно думать, что известное

смысле новые мигранты отличаются от старых, живущих в диаспоре, которые нередко желают быть похороненными на родине, даже если это родина символическая, каковой является Республика Армения для тех армян диаспоры, родиной предков которых является Западная Армения¹⁶. Для известных людей такую «репатриацию» осуществляют власти и/или патриотические организации Армении. В первые годы после независимости эта тенденция приняла такой размах, что получила отражение в частных беседах, присказках, анекдотах, обыгрывающих то обстоятельство, что живые уезжают, а мертвые прибывают в Армению¹⁷.

Уехавшие помогают родственникам, оставшимся дома, не только в ритуальной, но и в обыденной жизни. Главным образом это финансовая помощь. По оценке одного нашего информанта, 50% села Гош выживает за счет помощи родственников, уехавших насовсем или на заработки. По словам другого информанта, «редко в какой из домов не попадают деньги из России, очень редко. У одного брат, у другого отец, у третьего сестра, у четвертого брат отца. ...Наши армяне хоть и уехали, все подробности здешней жизни знают». В Татеве ситуация примерно такая же. В Россию в основном едут на сезонные заработки, помогая деньгами оставшимся в селе семьям: «Если не будут присылать, то как их семьи смогут выжить? – говорит заместитель сельского мэра. – Еще не было случая, чтобы уехали и забыли свою семью».

В таких подпитках, которые носят капиллярный характер, видимо, и заключается секрет выживания в Армении в самое тяжелое время, когда государство не в состоянии оказать должной помощи нуждающимся. (По некоторым подсчетам, общая годовая сумма денежной помощи родственникам, поступающей в Армению, сопоставима с государственным бюджетом.) В контексте нашего исследования мы попытались выяснить, какую именно роль играют уехавшие из села в глобализационных процессах в селе. Можно сказать, что эта роль минимальная. Эмигрировавшие в Россию привозят с собой или пересылают с очередным гостившим у них односельчанином кое-что из одежды, домашний

представление о том, что земля считается собственностью того народа, чья кровь пролилась на ней, имеет отношение к указанному способу освоения новых земель.

¹⁶ Об особенностях армянской диаспоры см. *Л. Абрамян*. Армения и диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры, 2005, № 3, с. 170-194; *L. Abrahamian*. Armenian Identity in a Changing World, p. 324-341.

¹⁷ *Л. Абрамян*. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. Tomus XX, 2003, с. 46.

скарб, а также всевозможную бытовую технику. Все это на первый взгляд можно было бы принять за глобализационные нити, однако по эффекту они больше походят на швейные машинки, привезенные из ссылки. Все эти вещи, несомненно, создают маленькие сдвиги в сторону внешнего мира, встреча с которым неминуема, но не создают каких-либо особых механизмов для этого. Даже мобильные телефоны, которые в принципе произвели маленькую революцию в сфере сельской коммуникации и которые, по признанию большинства наших респондентов, начали появляться в селе в основном благодаря финансовой поддержке или в качестве непосредственного подарка от родственников из России, лишь слегка ускорили намечающиеся уже процессы.

Мы попытались проследить, помогают ли эмигрировавшие в Россию своим родственникам в деле обработки приватизированных участков, что резко повлияло бы на переход от социализма к фермерскому капитализму. Вопрос о подобном вмешательстве в процесс, грозящий затуханием (см. о трудностях сельского хозяйства в разделе о приватизации), напрашивался уже потому, что в Турции, например, был замечен неожиданный подъем сельского хозяйства за счет маленьких тракторов, которые появились здесь благодаря помощи турок-иммигрантов из стран Европы своим сельским родственникам. Согласно нашим наблюдениям, идея поддержки извне наметившейся новой сельскохозяйственной деятельности действительно появлялась у татевских эмигрантов, однако из-за горной специфики местности и каменистости почвы малые трактора здесь быстро ломались и в целом непригодны. Требуются мощные машины, которые обрабатывали бы большие участки земель, причем речь идет о старых использованных машинах советского производства: «Если использованные, то стоят где-то 4000 или 5000 долларов, а те новые очень дорогие, мы не можем их приобрести, нет таких возможностей». (Заметим в скобках о неизбежности коллективного землепользования в случае наличия такой техники.) Идея о покупке большого комбайна появилась у одного из бывших сельчан, переехавшего в Ереван. Он попытался организовать сбор средств для осуществления этой затеи, но пока что дело не сдвинулось с места. Показательно, что инициатором этого начинания был бывший партийный руководитель районного масштаба, который, видимо, продолжает мыслить по старым общинным меркам.

Здесь следует заметить, что эмигранты из обоих сел в принципе не были типичными крестьянами. Правда, многие татевцы в советское время работали в

совхозе (другие работали на заводе конденсаторов в Татеве и в сфере обслуживания, в находившемся не так далеко гостинично-санаторном комплексе), но это было типичное советское хозяйство, с решениями, принимаемыми сверху, оно в принципе поддерживалось общесоюзной системой – поэтому, например, ему не грозило полное «банкротство» при засухе или неурожае, как это не раз наблюдалось в постсоветских фермерных хозяйствах. Так что у бывших работников совхоза было не совсем крестьянское мышление. Что касается выходцев из Гоша, то они в еще большей степени не были носителями крестьянского мышления. Многие мужчины-армяне работали здесь на уже упоминавшемся заводе «Импульс» и на строительстве; правда, некоторые работали также в совхозе, но они главным образом представляли администрацию или были вовлечены в сферу механизации – работали водителями, трактористами и др., в животноводческих же работах совхоза преимущественно были задействованы азербайджанцы¹⁸, покинувшие Армению в конце 1980-х, в годы армяно-азербайджанского конфликта (азербайджанцы жили в Нижнем Гоше, соседнем селе – бывшее с. Алачухка, которое имело общий сельсовет с исследуемым нами «основным» Гошем). В армянских семьях за домашней скотиной, частной собственностью семей, ухаживали старшие, что, собственно, они продолжают делать и сейчас.

Участие уехавших из села в поддержании статуса кво оставшихся на селе находится в прямой зависимости от их количества. В случае Гоша такое вмешательство более ошутимо из-за процентного соотношения эмигрировавших из села жителей. Однако некоторые из сравнительно малочисленных эмигрантов Татевы в отличие от гошских, эмигрировавших в Россию, переехали в Германию и США, и в контексте глобализационного воздействия влияют на быт села скорее качественно, чем количественно. Если уехавшие в Россию поддерживают своих родственников и друзей, оставшихся в селе, как уже указывалось, в основном денежными переводами, то помощь из дальнего зарубежья более многолика. Даже если это финансовая поддержка, то она скорее целевая. Например, только за последние несколько лет один сирийский армянин-спонсор, поддерживающий отношения с татевской школой, оплатил ремонт специально оборудованного кабинета химии, американские армяне подарили два новых компьютера, а еще один американский армянин оплатил частные уроки ученика-сироты (в том

¹⁸ В Татеве не было азербайджанского населения.

числе обучение английскому языку и дополнительные компьютерные уроки) и высшее образование наиболее перспективных студентов из необеспеченных семей. Почти ежегодно школьники татевской школы получают новогодние подарки от тех же иностранных спонсоров, а учителя – денежные вознаграждения. Отметим, что целевая (некапиллярная) помощь извне направлена в первую очередь (если не исключительно) на нужды школы. Даже в одном-единственном случае целевой помощи со стороны недавно уехавших в Россию односельчан, которую нам удалось зафиксировать, эта помощь была адресована школе: «Раз мой брат директору школы, кажется, пять миллионов [драмов] дал, на учебники, дети получили бесплатные учебники»¹⁹. (Напомним, что кроме капиллярной помощи, целевая коллективная или индивидуальная помощь извне направлена прежде всего на организацию ритуальных мероприятий – похорон, свадеб.)

Однако по большому счету эти средства позволяют татевским школьникам интегрироваться не столько в глобализированный мир, сколько в общеармянский, вернее, ереванский. Глобализация же проникает в село в основном по каналам социальных сетей (родственников, друзей), не только связанных с селом, но одновременно играющих роль «глобальной паутины», которая «ловит в международной сети» различную гуманитарную помощь и канализирует ее в село. Поэтому эмиграция одного татевского жителя в США (девушка из этого села вышла замуж за американского армянина) более ощутимо отразилась на жизни села (не только на жизни членов семьи), в частности школы, чем эмиграция 400 человек из Гоша в Россию, где, в отличие от США и стран Европы, не развиты традиции и институты благотворительности, а адресатом помощи выступают в основном члены семьи эмигранта.

Приватизация на селе: глобализационные веяния в сельском хозяйстве

Законопроекты, касающиеся села, были приняты новоизбранной властью, сменившей коммунистическую, еще до приобретения независимости²⁰

¹⁹ Образование вообще является особо отмеченной ценностью у армян. О национальном аспекте образования см. *L. Abrahamian. Armenian Identity in a Changing World*, p. 87-88. Ср. также о культуре письма и книг в традиционной и современной армянской культуре – там же, с. 86-88; *H. Petrosyan. Writing and the Book // Armenian Folk Arts, Culture, and Identity*, p. 52-58.

²⁰ См. список соответствующих документов: *М. Габриелян. Современное крестьянство Республики Армения (этнографическое исследование)*. Ер., 2001, с. 74-75 (на арм. яз.). Здесь же (с. 16-20) критический анализ этих законодательных источников. См. также *он же*. Социальные и культурные процессы в современном селе Республики Армения (по материалам приватизации

(закон о приватизации земли был принят 20 февраля 1991 г., за 7 месяцев до провозглашения Арменией независимости). Они должны были способствовать интеграции республики в глобализационные сети. Однако фактическая блокада Армении, ее изолированность от международных наземных магистралей в конечном счете привели к тому, что на самом деле страна пережила серьезный этап деградации как в отношении сельского хозяйства, так и в отношении социального капитала и людских ресурсов²¹.

В 2006 г. наметились существенные изменения в государственной политике в отношении села. Подготовлен законопроект об укрупнении сельских общин, который на деле означает сокращение/сращение некоторых местных органов самоуправления, ликвидацию местных административных центров. Начался процесс скупки земельных участков отдельными олигархами, создание крупных фермерских хозяйств. Достаточно сказать, что «Ассоциацию фермеров Армении» возглавляет мать наиболее известного олигарха РА.

По прогнозам многих специалистов в ближайшем будущем ожидаются достаточно глубинные изменения ситуации в армянском селе. Сельские ресурсы заинтересовали не только местный капитал, к нему пытаются привлечь также внимание иностранного капитала. Отдельный интерес к проблемам села в Армении начал проявлять Всемирный Банк (ВБ), который выделил кредит на ремонт и строительство «вторичных» дорог, связывающих в основном сельские поселения. Кроме того, были выделены определенные средства на улучшение систем водоснабжения и канализации на селе. Не случайно Третий международный форум «Армения–Диаспора» (18-20 сентября, 2006) главным образом был посвящен проблемам села²². Однако эти веяния еще не дошли до наших двух сел.

Приватизация земли в Армении была проведена раньше, чем в других бывших советских республиках. Причина такой поспешности не в особой прозорливости армянских государственных деятелей, как думают некоторые политологи, главным образом зарубежные, а скорее в особом «пионерском комплексе», стремлении быть первыми, что занимает заметное место в системе этнической/национальной идентичности армян (ср., например, особое значение, кото-

земли) / Кандидатская диссертация (Институт археологии и этнографии НАН РА). Ер., 2001, гл. 1.2 (на арм. яз.).

²¹ По официальным данным за период 1991-2006 гг. Армению покинуло около 800 000 человек, неофициальные источники доводят эту цифру до 1 000 000 – 1 200 000 человек.

²² См.: Rural Poverty Eradication / Armenia Diaspora Conference, September 2006. Yerevan, 2006.

рое придается армянами тому факту, что они первыми, еще в начале IV в., приняли христианство в качестве государственной религии)²³. Приватизацию в сельском хозяйстве проводили сверху, прежде всего как популистскую и мало продуманную демократическую, по сути своей революционную акцию, которую, как полагали власти, ждал народ. Однако народ вовсе не был настроен революционно, не был готов к реформам, более того, как следует из рассказов наших информантов и из других исследований²⁴, многие сельские жители оказались за чертой бедности именно благодаря закону о приватизации. Один наш информант, школьная учительница, так оценила в целом приватизацию:

Всему нашему поколению трудно, поколению, которое жило в советское время, которое сегодня вполне можно назвать в кавычках “временем коммунизма”. Коммунизм наступил и прошел, а мы и не заметили, даже что-то не нравилось. ... Все спутали, все смешали... То ли ради своей выгоды, то ли для того, чтобы разрушить страну, то ли чтобы обогатить отдельных людей. Я думаю, что все же это было преступление против человечества, не только против своей родины, но и против человечества, против человека. Бедных жителей села прикрепили к этой земле и не дают им пошевелиться.

Приватизация в двух изучаемых селах проходила по-разному, но со сходным результатом. В Татеве, как можно судить из рассказов различных информантов, раздел земель и скотины был проведен максимально демократично и настолько скрупулезно, что привел к крайне неблагоприятной для использования ситуации. Дело в том, что земельные участки расположены в сильно изрезанном ландшафте, они тянутся большей частью по оврагам от ущелья внизу села почти до вершины горы Арамазд. 6000 га земли нуждались в срочном уточнении (от 26 декабря 1990, когда вышло соответствующее постановление, до 20 февраля 1991, когда приняли закон о приватизации) по пяти категориям, учитывающим плодородность почвы, ее орошаемость и др., причем имевшиеся в наличии категории и показатели были определены еще в советское время и от-

²³ L. Abrahamian. Armenian Identity in a Changing World, p. 113, 131.

²⁴ Истории о бедности / Ред. Г. Харатян (авторы: Л. Абрамян, А. Гулян, А. Марутян, Г. Шагоян, Г. Петросян, Р. Пикичян). Ер., 2001 (на арм. яз.); М. Габриелян. Современное крестьянство Республики Армения, с. 63-64.

ражали далеко не объективную реальность, например, опирались на мнимый эффект от лет 20 не действовавшего канала²⁵. Еще одна показательная неувязка, хорошо подмеченная нашим информантом Сейраном Амбарцумяном:

...тогда письменные отчеты имели мало связи с реальностью. Например, как правило, в отчетах указывалось, что с гектара мы получили 30 ц, но на самом деле мы никогда с гектара столько урожая не снимали. В реальности мы просто обрабатывали большие территории, а весь полученный результат записывали на меньшую территорию. Скажем, обрабатывали 10 га, а писали, что этот урожай получили с 5 га. Это делали для того, чтобы показать, что Татевский совхоз передовой. А потом все как-то забыли, что эти цифры были лишь на бумаге, и стали жаловаться: как же это в советское время мы с гектара получали 30 ц, а сейчас не получается? Да никогда эта земля не давала такой результат! На самом деле в совхозе самый хороший урожай не превышал 15 ц с гектара.

Характерно, что переход от советского коллективного хозяйства к частному проходил через промежуточную стадию: во время приватизации 20 семей решили вести индивидуальное хозяйство, 83 семьи – механизаторы, доярки и другие специализированные работники бывшего совхоза решили объединиться в коллективное хозяйство, где каждый продолжал бы выполнять свою работу; порядка 90 семей сформировали еще в перестроечное время кооператив, который лишь переименовал себя в «коллективное хозяйство». Оба коллектива были вначале довольно прибыльными хозяйствами, однако через год бывший кооператив, а через два года новообразованный распались. [Разные информанты по-разному объясняют такую короткую жизнь этих рентабельных хозяйств, построенных вроде бы на рациональной основе. Один информант – школьная учительница, с чьим мнением о вреде приватизации мы уже познакомились, объясняет распад психологическими причинами – завистью к частникам:

²⁵ Сходная ситуация имела место во многих регионах республики. Поспешность мероприятий по приватизации, с другой стороны, не дала крестьянам сориентироваться в неожиданно открывшихся для них перспективах – см. *М. Габриелян. Современное крестьянство Республики Армения*, с. 31. В марзе Вайоц Дзор один мой информант сокрушался, что при приватизации они позарились на вовсе непригодные земли. «Здесь не обошлось без сатаны, – сказал он, – прошлым летом [до приватизации] у нас даже камни расцвели».

Те же люди и во время совхоза шли пастись скот в тот же Гязбел, то есть далеко от села. Но теперь они видят, что сосед свой скот выводит пастись недалеко от дома. Кроме того, видит, как из соседнего двора выходят сразу четыре коровы. У него тоже эти четыре коровы есть, но они в коллективном хозяйстве, а здесь сосед от своей же скотины свое молоко и масло получает. Вот они тоже стали думать о том, что им выгодней у себя держать свой скот и самим все добывать.

Заметим, что объективно именно частник должен был бы завидовать кооператору, поскольку вместо разделенного труда кооператоров он должен был совмещать в одном лице, в лучшем случае в лице членов своей семьи, все специальности, которые распределялись среди многих специалистов коллективных хозяйств, – именно этот трудный аспект приватизации обсуждала наш информант:

Раньше как было? Один работал на каком-нибудь фронте, в каком-то направлении и содержал 10 других, а не так, как сейчас: все вынуждены все делать. Каждый делал свою работу, а сейчас я и доярка, и скотовод, и учительница в школе, и за огородом ухаживаю, и домохозяйка. Ну за скольких я могу быть одновременно?! Каждый должен был специализироваться в чем-то одном, это было очень правильно». К аналогичному мнению пришли и другие, но было уже поздно: «Но потом, когда все приватизировали, многие пожалели. Потому что, например, в коллективе, когда очень надо было, кто-то мог не ходить на работу, а заняться другими своими делами, все же работники были и каким-то образом могли обойтись, скотина неухоженной не оставалась, а сейчас, когда весь скот приватизирован, кого я могу просить, чтобы он за моей скотиной ходил, если у меня возникают другие работы? Потом пожалели, говорили: да, действительно, коллективная смерть что свадьба.

И все же коллективное хозяйство, видимо, не имело достаточно прочной традиции и психологической установки²⁶. Вот как описывает распад коллективного хозяйства один из его организаторов:

Наше коллективное хозяйство и дальше бы просуществовало, если бы не болезнь, которая начала губить наш скот. Был падеж скота, потеряли около 30 коров. Да и то по причине невнимания. Работник фермы забывал и оставлял окна хлева открытыми, и коровы были застужены. В противном случае коллективное хозяйство, может быть, и по сей день бы существовало. До этого мы все очень мирно работали, а тут это стало поводом для недовольства, люди понимали, что это их скот. И поскольку все было очень шатко, небольшое недовольство стало тем поводом, который все окончательно разрушил.

К тому же, как следует из рассказов бывших кооператоров, недолгое существование коллективных хозяйств было предрешиено сверху:

...а уже потом вышло так, что и сверху дали согласие, все время говорили, что коллективные хозяйства должны распаться и должны остаться только индивидуальные. ... Во время собраний часто говорили, что будущее за отдельными хозяйствами, и как-то эта идея чем дальше, тем сильнее укреплялась.

Наконец, распад кооперативов объясняли не в последнюю очередь экономическими причинами. Одна из таких экономических причин – недостаток корма для скотины: «чтобы содержать две коровы, приходилось закалывать и продавать три»²⁷. С падением поголовья скота уменьшалось количество навоза, используемого в качестве удобрения (химическое удобрение

²⁶ Коллективные хозяйства не имели будущего и в других регионах. Так, по данным на 1 января 1997 г. в республике существовало 273 коллективных хозяйств, в 2001 г. их осталось всего 10 – В. Саакян. Проявления и тенденции развития общины и общинных отношений в Армении (социологический анализ) / Кандидатская диссертация (Ереванский гос. университет). Ер., 2002, с. 313 (на арм. яз.).

²⁷ В Армении в целом после приватизации, особенно в 1992-1993 гг., наблюдался массовый убой скотины – М. Габриелян. Современное крестьянство Республики Армения, с. 18.

было малодоступно), соответственно уменьшался урожай. Так разлад в одном звене хозяйства приводил к разладу в другом.

В итоге количество скотины приблизилось к такому, какое могла содержать семья в домашнем хозяйстве и в советское время, только теперь у многих это было уже не дополнительным доходом, а единственным источником пропитания. Не следует также забывать, что глобалистическое расширение мира в результате трудовой миграции имело и свой разрушительный вклад в местном сельском хозяйстве. Один наш информант рассказывает:

Был здесь один, у которого было сравнительно много скотины, поэтому летом он уходил на летовку в горы. Так его сын только по этой причине просто сбежал, поскольку ему приходилось за скотом ходить. Сейчас он в Ставрополе живет. Приехал, говорит: «Слушайте, люди, если есть такая жизнь, как там, чего мы здесь себя изводим?» Там он работает на стройке, получает 1000 долларов. Здесь, за весь год мучений, разве мог бы заработать 1000 долларов? Да никогда.

В Гоше после того как азербайджанцы – работники животноводческого сектора совхоза покинули Армению в 1988, это хозяйство было оформлено в виде входившего в совхоз кооператива. Пятеро предпринимателей, образовавших этот кооператив, заключили соответствующий контракт с администрацией совхоза на основе взятого у государства кредита. При приватизации кооператив переформили, как и его татевский аналог, в коллективное хозяйство. Вскоре один из совладельцев, а затем еще три уехали в Россию. Оставшемуся совладельцу приходилось резать скотину, чтобы платить работникам, покупать корм и выплачивать проценты с кредита. Денежная реформа 1993 г., приведшая к резкому падению курса рубля и массовому обнищанию, спасла владельцев кооператива: по словам родственника одного из них, продажа мяса двух-трех забитых коров покрыла недавно еще непокрываемую сумму кредита. В итоге, распродав скотину, последний совладелец тоже присоединяется к своим друзьям-эмигрантам. Так в Гоше животноводческое хозяйство села лишилось всего своего поголовья.

В Татеве до приватизации было до 1400 голов крупного рогатого скота в совхозе и около 600 у частных. Летом 2006 г., когда мы проводили здесь свои

наблюдения, осталось всего 600 голов²⁸, т.е. столько же, сколько было раньше у частников. Мелкого рогатого скота в совхозе было 2500 голов и около 700-800 – у частников. Это количество сократилось до 500 голов. При определенных, и немалых, хлопотах мелкий рогатый скот, по мнению наших информантов из Татева, единственное, что может здесь принести прибыль – такой опыт кое-кто уже предпринял, но чтобы была постоянная прибыль, необходимо как минимум несколько лет. В Гоше мелкого рогатого скота почти нет, в советское время его не было и в совхозе. Держать овец выгодно лишь в больших количествах, а такое не каждый может себе позволить, поэтому здесь предпочитают разводить крупный рогатый скот и свиней. В Гоше на момент наших наблюдений было 450 голов крупного рогатого скота, почти столько же, сколько было до приватизации у частников²⁹. Примерно столько же было совхозного поголовья, которое потеряли в результате опыта приватизации. Как видим, в обоих селах количество крупного рогатого скота возвращается к количеству, которое было у частников до приватизации. Это, скорее всего, то оптимальное количество, в среднем от одной до трех коров на одно хозяйство³⁰, которое могут себе позволить частники, особенно пожилые, поскольку в обоих селах скотиной обычно занимаются старшие в семье либо по той причине, что молодые уехали из села, либо потому, что молодые предпочитают иную работу – не столь трудоемкую и не столь «пахучую» – рассказывая о неудачном опыте кооперации животноводческой фермы в Гоше, наш информант среди прочих причин неудачи приводит и такой аргумент: «Одним словом, у людей была работа, но никто не хотел, чтобы от него пахло хлевом». Кооператив был основан на обычных хлевах, современно оснащенных ферм здесь не было. Одну типовую ферму такого рода, построенную здесь в 70-х гг., разрушили и на ее месте соорудили еще один хлев – ферму не смогли эксплуатировать по причине консервативности работниц, молодежь же тогда предпочитала работать в местной промышленности или на строительстве и по сути уже отошла от традиционной сельской трудовой жизни. Те-

²⁸ Осенью 2007 г. по подсчетам того же информанта, работающего в сельской мэрии, это число достигло 650. По данным А. Гуляна в 2002 г. здесь имелось 750 голов крупного рогатого скота, из них дойных коров – 400-450; одно хозяйство имело 10 коров, два хозяйства – более 10.

²⁹ Через год после нашего пребывания в селе это количество стало еще меньше.

³⁰ В Гоше по данным лета 2007 г. из 397 домохозяйств 10 составляли «закрытые дома» уехавших, порядка 200 не имели коров, 3-4 удавалось содержать до 15 коров, остальные имели по одной или по две коровы. В Татеве по данным осени 2007 г. из 256 домохозяйств 15-20 были «потухшими», одно хозяйство управлялось с 6 коровами, но в среднем на одно домохозяйство приходилось две или три коровы.

перь же, когда фабрики закрылись, но открылась возможность работать в животноводческом кооперативе, он оказался слишком «сельским», а работа в нем непрестижной.]³¹

Характерно, что на глобализационные по своей сути процессы приватизации накладываются нормы обычного права. В частности, дочь, благодаря которой семья получила соответствующий надел (наделы выделяли по количеству членов семьи: один надел, составлявший в Гоше 3500 кв.м, а в Татеве 1.02 га³², выделялся семье численностью до трех человек, два надела – до шести человек, три – больше семи), не получает земли в качестве приданого, так что семья, имевшая дочерей на выданье на момент приватизации, фактически оказывается земельно богатой. Эгалитаристский принцип приватизации может привести к пассивному обогащению/обеднению также из-за отъезда членов семьи в Россию, их смерти³³, выделения земель под сенокос по числу членов семьи, а не по наличию скотины, наконец, из-за жребия, определявшего место надела – хотя выделяемые земли делили на соответствующие лоскутки по принципу пригодных и непригодных для земледелия, далеких и близких (в Татеве самый далекий участок находится на расстоянии от 15 до 18 км), воля случая тем не менее сыграла свою роль³⁴. Сам принцип раздробления земель привел к нерентабельности, а часто и к невозможности ведения земледельческих работ. Фермерского укрупнения земель за счет продажи наделов здесь еще не наблюдается. Есть семьи, которые берут у других землю для обработки, помимо своей, платя частью урожая. Но таких семей всего несколько (в Татеве). Наш татевский информант

³¹ Помеченное синим цветом не вошло в финальный вариант статьи.

³² Преимущество Татева перед Гошем в размерах наделов на самом деле мнимое: по словам одного нашего информанта из Татева, из имеющихся у его семьи двух наделов общей площадью в 2.04 га только около 600 кв.м пригодны для посева. В зависимости от ландшафта наделы различались не только в разных марзах, но и в соседних селах одного марза – *М. Габриелян. Современное крестьянство Республики Армения*, с. 23-24.

³³ В досоветский период общинное пользование землей предусматривало уменьшение или увеличение площади наделной земли при изменении числа членов семьи – см. *М. В. Акопян. Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX – начале XX вв.* Ер., 1988, с. 57. Впрочем, в некоторых регионах, например, в том, куда входило с. Татев, порядок наследования движимого и недвижимого имущества шел по мужской линии (там же, с. 56). Можно сказать, что досоветское земельное право продолжало жить в сознании людей преимущественно в своем патриархальном формате, хотя и не действовало все советские годы.

³⁴ Показательно, что порядок досоветского общинного землепользования был гораздо более эгалитарным: по истечении установленного срока (от 3–5 до 7–10 лет) наделы, выделяемые для пользования каждой семье («дыму»), поступали в распоряжение сельской общины и заново распределялись между ее членами-совладельцами – *М. В. Акопян. Указ раб.*, с. 44, 51. Об общине и формах землевладения в целом см. с. 39-76.

считает, что если кто-либо придет сюда с целью покупки земли, сложностей у него не будет:

Много будет желающих продать свой участок, если найдутся покупатели. Продать или сдать в аренду, даже если в качестве аренды предложат не деньги, а какой-то процент урожая, все равно много будет желающих. Потому что много хозяйств, где нет мужчин, а остались только одни женщины или старики, которые не могут обрабатывать эти участки.

Подсчеты, приведенные нашими информантами, показывают, что сельчанам, особенно людям старшего возраста, оставшимся без помощников, выгоднее держать лишнюю корову, резать ее и покупать муку, чем проходить через многотрудный и нестабильный процесс обработки почвы, засеивания и сбора урожая:

Получается, что выгодней, если ты просто в магазине покупаешь эту муку и не думаешь, что все твои финансовые затраты плюс труд в один прекрасный день могут к тому же свестись на нет от дождя или еще какой-либо напасти. Поэтому многие сознательно просто перестали сеять.

Приватизация, проведенная с целью прогрессивного развития сельского хозяйства, грозит при нынешних темпах и без поддержки извне трансформировать традиционное земледелие – предмет гордости в примордиалистском дискурсе о древности армян в этом регионе, в скотоводство, считавшееся ранее непрестижным³⁵.

В глобализационных процессах на селе, как и следовало ожидать, участвуют также зарубежные организации, однако не всегда последовательно и без должного учета соответствия/несоответствия местных традиций и/или природных условий с международным опытом. Показательный пример одного такого половинчатого содействия приводит С. из Татева:

³⁵ Л. Абрамян. «...Поистине, бедность – первоисточник всех несчастий» // Истории о бедности, с. 415-416.

Несколько лет назад одна американская организация семена раздавала... Я поехал и привез 500 кг семян, и по договору, который они с тобой заключают осенью, ты им должен вернуть 750 кг зерна. Получается, что этой организации ты возвращаешь кроме взятого 150 кг дополнительно. Ну, денег у меня не было на покупку семян, вынужденно поехал и привез. При этом они следят за тобой, ты то и дело отчитываешься. Они следили, чтобы ты, не дай бог, не продал, не пустил под муку и так далее. Зимой пришли проверили, что у меня все вспахано, готово. Одним словом, я получил хороший урожай с того посева, с одного гектара я получил четыре с половиной тонны урожая, то есть почти 45 ц зерна. И если бы я чуть раньше начал жать, было бы даже лучше. Я все делал, как они говорили, по два раза вспахивал, все удобрения, которые они требовали, все вносил. Одним словом, столько урожая получил, что их требуемое количество вернул, много продал своим односельчанам же, сам использовал. Выгодно, но только в том случае, если ты соблюдаешь все условия, делаешь, как с тебя требуют.

Но на следующий год все обернулось иначе: С. все сделал, как полагалось,

но все испортилось, потому что когда надо было убирать, комбайна не было, а потом погода резко испортилась и дней десять подряд или дожди и поле село, вся пшеница была побита, а из побитой пшеницы невозможно сделать муку, хлеб. Это уже только для фуража и годится. Весь двухгодичный труд коту под хвост. И после этого уже не смог сеять.

К счастью, кроме внешних, глобалистических, веяний есть внутренние, менее рационалистические. Будем надеяться, что они больше помогут нашему информанту: «В этом году я выделил один гектар и посеял. Сам не знаю почему, все как бы заражаются друг от друга, смотрят, что другие сеют, и то же самое делают. Ну, думаешь, земля от бога, нельзя ее не засеивать».

Людей, решивших полностью посвятить себя сельскому хозяйству в новых трудных условиях в сочетании со старыми – горы, каменистая почва, сегодня трудно найти. Об одном таком нетипичном примере из Татева рассказывает С.А.:

Вот один из нашего села взял и подался в горы, там себе установил маленький домик, развел сад, ферму и содержит свой скот, там и скоту удобно пастись, а он совсем одичал, так и живет один вон уже сколько лет. Только жена с ним да еще телевизор. Он один из первых эту тарелку (т.е. параболическую антенну. – Л.А.) поставил. Теперь их у него даже две. Все смотрит. Правда, при этом знаешь сколько он денег заработал!

По словам нашего информанта, в 1990 г. место, где обосновался отшельник-работяга, выглядело абсолютной пустыней, ничего там не росло, «а сейчас ...сплошной цветущий сад, настоящий рай. Вот действительно работяга. Вот его надо снять и по телевизору показывать в пример остальным». Однако такие примеры, неминуемо связанные с «уходом из мира», хотя и восхищают, но мало вдохновляют. При «вхождении в мир» в результате приобщения к глобализационному полю сельский житель неожиданно «прозревает», открывает для себя богатый возможностями новый мир. Так, молодой человек, познавший преимущества «цивилизации» в эмиграции, несмотря на тяжелую работу на стройке, не мыслит себя фермером в родном селе и даже укоряет родителей, что «скрывали» от него наличие этого мира.

Сельский «глобус мира»

Удалившийся от мира татевец-отшельник тем не менее продолжает оставаться в нем благодаря параболической антенне, которую он установил в 2001 г. Более того, в свободное от тяжелого труда время он погружается во внешний, доселе неизвестный ему мир и свободно там пребывает – по его словам, он смотрит 56 каналов. Образ старого человека, живущего с женой отдельно от детей, вдали от села, и смотрящего множество каналов на неизвестных языках, воспринимался как анекдотичный и, подобно его непомерному труду, никак не мог стать образцом для подражания. К тому же Татев благодаря башенному теле-

видению получает вещание с восьми каналов, поэтому особой необходимости установки параболических антенн здесь не было. Пять-шесть антенн появились в последние годы только в той части села, где ловился только один канал.

Иное дело в Гоше. Здесь параболические антенны появляются лет 10 назад, но получают распространение за последние два-три года. Летом 2006 г. насчитывалось 55 антенн, из них по две имелись у трех хозяйств и в школе³⁶. Однако популярность спутниковых антенн здесь не только отражение тяги к престижности и дань моде, в первую очередь это обусловлено потребностью быть в курсе событий в мире и Армении и особенно в столице Ереване. Дело в том, что в Гоше установлена большая спутниковая антенна в школе, которая ловит и передает на обычные антенны сельчан лишь два канала, один – московский, другой – первый армянский, официальный, канал, да и тот в своем спутниковом варианте, рассчитанном на диаспору и поэтому еще более «приглаженном». Один из наших информантов согласен с такой цензурой: «зачем, извините, наш мусор показывать всему миру?», однако сам был бы не прочь смотреть этот «мусор», в частности, парламентские дебаты, за которыми ереванцы могут следить по местному каналу. Хотя в Армении в настоящее время нет оппозиционных каналов (один такой канал был закрыт в 2002 г. по «техническим», но, как уверены многие, по политическим причинам), тем не менее имеется пара-другая более или менее независимых каналов, благодаря которым можно все же узнать о реальном состоянии дел. Однако параболические антенны, как оказалось, также не смогли ловить нужные местные каналы. Тем не менее их появление создало своеобразный глобус мира, со своей особой субординацией «первостепенных» и «второстепенных» информационных источников и своеобразной географией: так, особо отмечается аджарский канал, по которому смотрят передачи и фильмы на русском языке, или словацкий канал, по которому могут смотреть те фильмы, которые идут со словацкими титрами, но на понятном русском языке. Выстраиваются «русские» каналы – по языку транслируемых сериалов, в которые входят, например, тот же аджарский и бакинский каналы. Так называемые российские антенны, которые ловили только российские каналы, в последнее

³⁶ Антенны стоили в 2006 г. порядка 120-130 долларов, первые антенны стоили раза в два дороже, так что их не каждый мог установить. Антенны приобретали разными способами, главным образом за наличные, иногда покупали в кредит, как телевизоры; одной татевской женщине антенну привез в подарок сын-студент из Еревана, который специально подрабатывал для этой цели.

время сменяются «европейскими», значительно расширившими информационный мир сельчан, хотя большая часть открывшегося глобалистического мира предстает им лишь в виде картинок и музыки. В сегодняшней Европе параболические антенны главным образом популярны среди эмигрантов, с их помощью они держат связь с родиной. В Берлине, например, дома, заселенные турками, легко определить по спутниковым антеннам. В Гоше тоже параболические антенны были установлены в целях поиска источника информации о событиях в своем мире, но в результате обнаружили «другой мир», так и не найдя на этом «глобусе» искомый Ереван.

Интересно, что каждый этап приобщения села к глобалистическому миру (можно сказать, поэтапная эволюция информационного глобализма) продуцировал самоорганизующиеся структуры, сопоставимые с традиционными институтами, изучаемыми в этнографии. Так, в Гоше сельские клубы советского времени, которые собирали все село на просмотры фильмов, напоминают архаичный общинный сбор, появление первых телевизоров выделило престижные дома, а «специализированные» закрытые просмотры видеофильмов в период появления прокатных видеомagneтофонов (с 1980-х гг.) – мужские дома. С появлением параболических антенн каждый смотрит отдельно, что, с одной стороны, делает получение «мировой» информации приватным делом, но, с другой стороны, публичное обсуждение дает повод «склеить» эти частные тексты в единый «глобалистический текст». При таком «информационном» разделении людей на отдельные семьи внутри семьи появляется новый инструмент для субординации – право ставить коды на каналы и тем самым ограничивать доступ других к каким-то каналам, не говоря о том, что иерархия членов семьи наглядно прослеживается уже по тому, кто определяет, какой канал смотреть в то или иное время. Ситуация вокруг «глобализационного» источника говорит вроде бы об абсолютно патриархальном обществе, которое несмотря на доступность к мощному источнику информации практически не модернизируется в рамках семейных взаимоотношений. Впрочем, не исключается, что такой вывод строится лишь на отдельных синхронных срезах и отражает, возможно, не абсолютную иерархию, а ситуационную, которая обусловлена современным разделением труда на селе. Так, информант, говоря о телевизионных предпочтениях жены, добавлял немаловажное «но»: оказывалось, что у нее столько забот по хозяйству и дому, что на телевизор практически не остается времени, а если и остается, то на вечерние

пару часов, которые ей отдаются, надо полагать, на правах заслуженного приоритетного отдыха, а не в рамках семейной информационной иерархии. Тем не менее старший в семье, в данном случае отец информанта, имеет непререкаемое право на «владение» своим временем у телевизора (в нашем случае это время демонстрации определенных телесериалов), а школьница-дочь смотрит свои любимые концерты лишь когда место перед телевизором не занято. Показательно, что рекламный телеклип того же времени (2005-2006) обыгрывает такую же иерархию «права на телевизор»: девочка-подросток переключает мультфильм, который, как становится ясным позже, смотрел ее младший брат, на концерт Бритни Спирс, их молодая мать переключает концерт на сериал, отец переключает на футбол, подошедший дедушка переключает на военный фильм советского времени, бабушка – на русский романс из фильма 50-х годов, наконец, появляется внук, с недосмотренного мультфильма которого начинается клип. Он принес конфеты, что позволяет ему переключить телевизор на свой канал, и вся семья смотрит мультфильм самого младшего, стоящего по структуре клипа в самом низу информационной иерархии, а потом самозабвенно – в пустой телевизор, увлекшись рекламируемыми конфетами.

Источники глобалистической информации имеют свою микроисторию, вписываются в историю села и страны. Так, первый телевизор отмечает знаменательное событие для армян – армянская футбольная команда «Арарат» выиграла одновременно кубок СССР и звание чемпиона в 1973 г. Это событие широко и бурно праздновалось по всей республике. В селе уже было два телевизора, но лишь один из них смог поймать слабый сигнал, и решающий матч многие смотрели по нему в очень плохом изображении. Начало телевизионной эры отсчитывают именно с даты матча – это событие послужило стимулом для «массового» приобретения телевизоров. Показательно, что одним из первых обладателей телевизора (с 1974 г.) был человек, который по многим показателям является лидером и сейчас, в том числе по официальному статусу (он член *авагани* – совета старейшин села). В Гоше в настоящее время, по оценке одного информанта, 90, по оценке другого, 95% семей имеют современные («нормальные») телевизоры, которые они покупают за счет экономии, в кредит – даже неработающие, оформляющие кредит на имя кого-либо из работающих родственников. Часто закалывают свинью, чтобы на вырученные деньги купить телевизор. В

списке вещей, покупаемых семьей в первую очередь, телевизор безусловно стоит на первом месте.

С вершины сегодняшнего продвинутого состояния сельчане вспоминают, как входили в жизнь первые телевизоры. Так, информант из Татева Н.А. рассказывает, как ее свекровь восприняла телевизор, который они купили в 1970 г.: «Я зашла в комнату, вижу, она хлеб за спиной прячет. Я говорю: что ты хлеб за спиной держишь? А она говорит: а не стыдно, видишь, тот человек смотрит. А по телевизору как раз «Лрабер» («Вести») показывали». Впрочем, сегодня не меньшее почтение, вернее страх, люди испытывают перед компьютером, причем не всяким, а тем, куда вводятся данные избирателей перед выборами. Подобное убеждение зафиксировали также мои коллеги в других районах, преимущественно у пожилых женщин. Такой страх перед «всевидящим» компьютером, кстати, является одной из причин, почему, оставшись наедине с избирательной урной, некоторые не решаются дать голос кому им хотелось бы.

Источники глобалистической информации часто (но далеко не всегда) вносят определенные изменения в быт сельчан, в первую очередь в области моды. Так, мини-юбки в Гоше появились, по словам наших информантов, после индийского фильма «Бобби» – в период «общинных» просмотров. Сегодня подобную роль законодателя моды играют телесериалы (разумеется, в определенных этических и эстетических пределах³⁷). Так, одна девочка-старшеклассница рассказала, что мечтает носить длинную цыганскую юбку наподобие героинь бразильского сериала, но ей не позволяет учительница, поскольку длинная юбка – ее приоритет.

Разговор о телевизорах не может сегодня обойтись без упоминания сериалов. Сериалы являются, главным образом, прерогативой женщин и пожилых мужчин. При появлении первых телевизоров, во времена триумфа ереванского «Арарата», матчи любимой команды собирали у нескольких на всю деревню телеэкранов также и женщин. Но это было лишь проявлением любопытства перед технической новинкой.

*Тогда наши женщины были работящими, – рассказывает Г. из села Гош,
– все женщины нашей деревни были работяги. А теперь они такие*

³⁷ См. о них в указанной статье Г. Шагоян.

ленивые. Все из-за этих сериалов... Тогда женщины работали. В совхозе было скотоводство, работа на поле, они приходили уставшие, и у них не оставалось времени, чтобы бросить домашнюю работу и идти куда-то смотреть телевизор... А сейчас наши женщины стали лентяйками. Серьезно, только этими сериалами и заняты, смотрят даже днем.

Ему вторит Д.: «Сейчас они очень хорошо проводят время у телевизора, сколько их ни зови, ни кричи – не услышат, увеличат звук, отдельно соберутся и сидят». Если Г. запрещает домашним смотреть при нем сериалы, то Д. купил себе второй телевизор и вместо семейной информационной иерархии нашел выход в раздельном просмотре любимых передач. В Татеве тоже имеет место тотальное увлечение женщин сериалами: «В селе все смотрят. Видишь, как к какому-то часу все начинают сбегать с огородов, потные, бегом домой и всюду только и слышно: “фильм, фильм”», – жалуется 85-летняя А. из Татева. Хотя такое соотнесение женщин с сериалами можно встретить повсеместно в Армении, думается, оно несколько преувеличено, во всяком случае мы видели, что в другом случае в том же Гоше в семейной иерархии телеэкранных времен, как реальной, так идеальной (рекламный клип), молодая женщина занимает довольно низкое положение.

Связь с внешним миром осознается настолько первоочередной задачей, что большая параболическая антенна, обеспечивающая два телеканала у всех сельчан, была поставлена депутатом, получившим голоса гошцев во время одних из очередных парламентских выборов. Этот «подарок» никто в селе не воспринимает в качестве «избирательской взятки» (перевод с соответствующего армянского неологизма *энтракашарк*). Скорее это понимается как честный взаимобмен. Или нечестный, как это было после других выборов, когда уже другой депутат тоже поставил большую параболическую антенну в другом селе по соглашению со своими избирателями, однако вскоре после избрания забрал ее. Впрочем, в данном контексте нас интересуют не выборы как таковые, а то, что для сельчан, оторванных от мира информации, «избирательской взяткой» становится параболическая антенна, с помощью которой они надеются наладить постоянную связь со своей страной, что, впрочем, им так и не удается сделать.

Выборы на селе: глобализация и усиление родственных отношений

Институт демократических выборов в Армении – завоевание массовых выступлений конца 1980-х, как бы эти выступления ни толковались сегодня – как заговор, освободительная борьба, праздник или революция³⁸. В этом смысле выборы – скорее «внутреннее», системное (противопоставленное советской системе выборов) достижение. Однако они очень скоро активно вовлекаются в фокус внимания международных организаций самого разного типа, становятся одним из важнейших звеньев гражданского общества, теперь уже «внедряемого» извне, в дискурсе глобализации.

Выборы на селе затрагивают также вопросы «малой», в пределах республики, и даже общеармянской глобализации, если учитывать транснациональный характер армянского сообщества (диаспора, так или иначе откликающаяся на выборы в Армении). Исследование выборов на селе и связанного с ними круга явлений подтвердило более ранние наши наблюдения в разных регионах республики. В данном разделе я буду опираться на сведения из разных сел, включая и два изучаемых, специально не оговаривая, о каком селе идет речь. В селах вообще выборы четко разграничиваются по признаку местный – республиканский. Цель местных выборов – формирование местных властных структур – избрание *гюханета* (сельского главу/мэра), *авагани* (членов совета старейшин), республиканских – состава Национального собрания (парламента), избрание президента, а также принятие важных общенациональных решений (референдумы, конституция). Для сельчан главными были именно местные выборы, поскольку, например, президентские выборы, как заметила наш информант, «чем бы они ни завершились, мало на нас отражаются». Выборы же *гюханета* настолько актуальны, что, как правило, являются открытыми: избираемый должен воочию убедиться, кто и как за него проголосовал. Нами зафиксирован случай, когда женщина машинально сложила пополам бюллетень перед тем как опустить его в ящик, чем навсегда испортила отношения с новоизбранным *гюханетом* – тот так и не поверил, что она проголосовала за него. Надо заметить, что все, кто сообщал нам об открытых выборах, знали об их незаконности, но не могли с этим ничего поделать, поскольку избираемый и избирающие, как правило, находились в родственных отношениях той или иной степени близости. Демо-

³⁸ См., например, *L.A. Abrahamian. Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations. (The Karabakh Movement in the Eyes of an Ethnographer) // Soviet Anthropology & Archeology. Fall 1990, Vol. 29, N 2, p. 70-86.*

кратический институт выборов *гюханета* и *авагани*, сменивший институт назначения сверху, привел к неожиданному усилению родственной структуры³⁹: стать деревенским главой имеет больше шансов тот, у кого имеется наибольшее число родственников и свойственников – в одном зафиксированном нами случае победил кандидат, имевший многочисленных родственников по линии жены. Как заметил один информант, «если у тебя большая родня – ты *гюханет*, если нет родни, у тебя нет шанса стать *гюханетом*». Другой информант рассказала о случае, когда два претендента оказались родственниками: «это приводит к ссорам и размолвкам среди одной и той же родни, которая разбивается на два лагеря. И село тоже поделилось на два лагеря». В некоторых случаях родственный принцип голосования приводит институт выборов, в идеале предельно независимый и анонимный, к своему логически ожидаемому антиподу – предельно зависимому и нетайному. Например, мы зафиксировали случай, когда во время выборов в списке кандидатов в *авагани* оказалось четыре кандидата, приходившихся родственниками информанту, в доме которого было «всего два голоса». Семья информанта, чтобы не обидеть кандидатов, таким образом распределила голоса родственников, близких и дальних, включая бабушку и родственницу из другого избирательного участка, чтобы на каждого кандидата пришлось по голосу. «Понимаете, такие люди выставили свои кандидатуры, что никому не могли отказать», – объяснила наш информант мотивацию своих действий. Что же касается парламентских и президентских выборов, то «избранный» указанным образом *гюханет* уже может требовать, чтобы открытым голосованием избрали того кандидата, которого навязывают ему сверху, из области, а области – из столицы. Впрочем, выборы по указке сельского мэра находятся в прямой зависимости от его авторитета. В одном случае с довольно слабым *гюханетом* выборы республиканского формата можно было бы оценить как максимально демократические. В другом случае, где мэр был недостаточно жестким, село, известное своей непокорностью, проявило себя в лучших революционных традициях. Еще один пример показал нам, что практически все село, включая и *гюханета*, может противопоставить себя диктующим сверху районным и центральным властям, но не в силу революционной оппозиционности, а в знак поддержки одного своего уважаемого односельчанина, попавшего в немилость со сторо-

³⁹ Ср. В. Саакян. Указ. раб., с. 130-133.

ны столичных властей. Там, где открытое голосование провести не удается (обычно это бывает в больших селах и в райцентрах), применяются самые разнообразные способы контролирования результатов голосования – от прямого подлога и психологического давления (в одном случае это удавалось сделать местному авторитету, тяжелым взглядом встречавшему избирателей) до хитроумных ухищрений, о которых наивные зарубежные наблюдатели не могут даже помыслить. Однако изощренная фальсификация применяется главным образом в городе, где она пришла на смену демократическому опыту первых выборов конца 1980-х и начала 1990-х.

Надо заметить, что привившиеся методы фальсификации выборов на селе являются нововведением: до условных театрализованных выборов назначенных сверху депутатов советского времени в армянских селах проходили самые настоящие демократические выборы, о чем знают некоторые из наших информантов старшего поколения. Так, одна старая женщина сравнивает сегодняшние выборы с дореволюционными:

«То, что сейчас происходит – это не выборы. Это какие-то игры. Раньше как выбирали? Предположим, выбирают из двух. Клади их папаху, и люди подходили с фасолками. Писать не умели, и если были, скажем, за тебя, то бросали свою фасолку в твою шапку, если за другого – в его шапку. А потом считали фасолки. Выигрывал тот, у кого в шапке оказывалось больше фасолки. Так, например, выбирали кехву, сельского старосту. А во время нынешних выборов заранее договариваются, делятся на группы».

Любопытно, что при выборах на селе люди часто даже не знают, что делают нарушения. Один наш информант возмутился, что я допускаю мысль о том, что в их селе могут делать какие-либо манипуляции с выборами, хотя именно от него я узнал о некоторых таких манипуляциях, которые он не принимал за таковые. Показательно также, что с кандидатом в парламент сельчане вступают в “честные” переговоры, напоминающие торг, о том, что именно тот должен сделать для села в обмен на голоса сельчан – провести дорогу, починить мост, установить большую параболическую антенну, как это было в случае с се-

лом Гош, и т.п. При этом решение принимается на общем собрании, с соблюдением всех правил общинной демократии.

Все это показывает, что выборы на селе, являющиеся фактически экспортом из города, где они были, как уже говорилось, главным завоеванием демократического движения конца 1980-х, оказываются в итоге одним из действенных инструментов манипулирования результатами выборов в масштабе всей республики, когда требуется повлиять на нежелательные результаты голосования в тех участках (главным образом центральных городских), где трудно осуществлять фальсификации. С другой стороны, этот навязываемый сверху демократический институт приводит к усилению родственных связей и “родственному неравенству”. Как заметила наш информант по поводу института выборов на селе, «ничего хорошего в этих выборах нет, не для нас они».

Эти несколько эскизов, естественно, не исчерпывают сложной картины современного армянского села, вольно или невольно вовлекающегося в глобализационные процессы. Они начинаются с общесоветских системных изменений, проводниками которых становятся вернувшиеся из алтайской ссылки односельчане. Их потомки одними из первых перебираются в постсоветские годы в Россию, открывая новые каналы в глобализационной сети, подбирающейся к их родным селам. Глобализация не всегда приходит с добром, не всегда создаются удачные локальные адаптированные варианты всемирных тенденций. Так приватизация в сельском хозяйстве, задуманная если не прямо, то косвенно в глобализационном контексте, с ожиданиями перехода к западному фермерскому хозяйству, на деле иной раз способствовала обеднению крестьян, переходу к натуральному хозяйству и даже ликвидации тех реальных структур фермерского хозяйства, которые были заложены еще в советское, перестроечное, время. Новое фермерское движение, получающее размах пока что в равнинных частях Армении, строится по другой модели, приближающейся к структуре латифундий; глобалистические тенденции здесь скорее проявятся в виде гибридных форм неофеодализма и запросов глобалистического западного рынка. Наконец, институт выборов, завоевание местной демократической революции, быстро трансформируется в удобный инструмент для обеспечения нового института недемократических выборов, отодвигая на неопределенное время наметившееся в конце 1980-х сближение города и деревни. Однако сегодняшние глобализаци-

онные процессы полны неожиданных случайностей, и поспешно и бессистемно освободившееся от советской системной зависимости село сегодня открыто и чувствительно к разного рода глобализационным волнам, все ближе к нему под-бирающимся.